

Товстоногов А. Т.

29/III 88

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

29 МАР 1988

Александр
ТОВСТОНОГОВ,
главный
режиссер Театра
имени
К. С. Станиславского
Мачей ЭНГЛЕРТ,
главный
режиссер театра
«Вспулчесны»

Увидеть себя

А. Т. Первый раз я был в Польше шестнадцать лет назад. Ставил пьесу Розова «С вечера до полудня» в театре «Вспулчесны», им руководил тогда выдающийся польский режиссер Эрвин Аксер, который в свою очередь сотрудничал с Георгием Александровичем Товстоноговым. И, попав в свои 28 лет в эту знаменитую труппу, я очень волновался, тем более что в моем спектакле были заняты великолепные польские актеры Мечислав Чехович и Мечислав Рожевский. Но, несмотря на мое незнание языка, мы как-то очень быстро поняли друг друга. Нам нравились грусть и правда розовской пьесы. Но главное, что объединяло, — это общее чувство ансамбля, понимание задач спектакля.

Оттуда же берет начало и наша дружба с Мачеем Энглертом. Позже он стал главным режиссером театра «Вспулчесны» в Щецине и пригласил меня поставить «Последних» М. Горького. И снова встреча с великолепными актерами. Ивана Коломийцева играл Мирослав Грушинский, Александра — Яцек Полячек. Художник Мартин Стоевский удивительно точно и ярко решил сценографический образ распада семьи Коломийцевых...

М. Э. Постановка была великолепной. Почему мы тогда, в 1977 году, в то сложное предгрозовое время, остановили свой выбор именно на этой пьесе? Потому что образ семьи Коломийцева — это как бы система маленького государства, где за внешним благополучием, за привычной респектабельностью кроется ложь, разрушающая все. Это была тема, о которой думали поляки, на которую хотели говорить. Семья Коломийцевых была поражена тяжким недугом фарисейства, цинизма, жестокости друг к другу, и симптомы этой болезни, как точно и безжалостно диагностированной Горьким, уже явственно проявлялись в нашем обществе.

И вот тут-то особенно важно было донести проблематику пьесы до польского зрителя. Ведь доселе произведения Горького, как и Чехова, ставились у нас хрестоматийно. Надо, чтобы на столе стоял настоящий самовар. Надо мягко выговаривать, к примеру: «Андрей Андреевич». И тогда это считалось по-русски, и в итоге получалась слабая копия мхатовского или чьего-нибудь еще спектакля, на который зрители взирали как на музейный экспонат. Товстоногов ушел от этой «самоварной» традиции. В его спектакле была вскрыта система двойной морали, приобретающей всеобщее значение, затрагивающей целый мир и прежде всего нас, поляков. Постановка «Последних» заставляла людей думать о собственной позиции, о своих ценностях в этом мире.

А. Т. К сожалению, «Последние» оказались

— Я уже начинал работать над инсценировкой «Мастера и Маргариты», — рассказывал главный режиссер театра «Вспулчесны» Мачей Энглерт, — и в это время Сандро присылает мне из Москвы великолепное полное издание этого романа на польском языке, какого у меня не было. Я был потрясен — ведь он же не знал, что я делаю.

— Что значит не знал! — говорит главный режиссер Московского драматического театра имени К. С. Станиславского Александр Товстоногов. — Я всегда знал, что если эта книга кому-то нужна, то прежде всего ему.

Я ничему не удивилась. Потому что года полтора назад в Лодзи главный режиссер Театра имени Стефана Ярача Богдан Гусаковский попросил меня передать главному режиссеру Театра имени М. Н. Ермоловой Валерию Фокину книгу Ингмара Бергмана на русском языке. Тоже был, очевидно, убежден, что это необходимо. Так что прямые связи — это не только протокольные мероприятия, встречи и гастроли, не только взаимные постановки спектаклей, не только желание получить что-то полезное для себя, для своего театра, но и органичное стремление отдать, поделиться, помочь партнеру.

Даже не партнеру — не то слово, — а другу, единомышленнику в понимании высших задач искусства.

— Да, наши с Сандро точки зрения на окружающий нас мир совпадают, — подтвердил Мачей Энглерт.

Как же начиналась их дружба, основа которой была заложена задолго до Декларации о советско-польском сотрудничестве, установившей для двух художников и их коллег климат наибольшего благоприятствования! Что она дает обоим художникам и их творческим коллективам! Об этом сегодня говорят: Мачей Энглерт и Александр Товстоногов.

В ИСТИННОМ СВЕТЕ

в прямом смысле слова последними на многие годы. Когда Мачей вернулся в Варшаву, возглавил там театр «Вспулчесны», то в 1980 году мы с ним договорились о прямых контактах, но известные обстоятельства оттянули их на несколько лет. В прошлом году на Дни Варшавы в Москве Мачей привез «Мастера и Маргариту» — спектакль, который стал событием в театральном мире. Тебя, Мачей, наверное, многие спрашивали и раньше, и тогда, и потом, почему Булгаков, почему именно «Мастер...».

М. Э. Еще в 1968 году я пришел к Эрвину Аксеру с романом в руках и сказал, что надо его ставить. «Для чего? — спросил он. — Хорошие книги надо читать. Ведь есть еще столько непоставленных пьес».

Сегодня я рад, что в то время он меня остановил. Что бы я мог сказать своим спектаклем тогда? Ну бегал бы по сцене Бегемот, а мысль Булгаковская, как я понимаю, мне еще не была открыта. И потом, это ведь теперь можно, а тогда действительно было нельзя.

Но поставил я «Мастера...» не потому, что уже можно. А потому, что убежден — сегодня Булгаков нужен нам, как никогда. Он показывает обычного человека со всем, что в нем намешано, — и добрым, и дурным, в экстремальных обстоятельствах и проследживает его путь к своему достоинству, к правде.

Конечно, я сознавал, какая это великая ответственность — перенести на сцену мир Булгакова, но не предвидел того, что этот мир начнет не только жить самостоятельно, а и диктовать свои условия мне, актерам, зрителям, и главное — что мы этим условиям подчинимся!

Как рассказать в спектакле больше того,

что есть на сцене? Как сыграть слова, за которыми таятся бездны?

Булгаков мучил нас всех. Сначала три месяца застольных репетиций. А потом мы на месяц закрыли театр и вышли на сцену. Репетировали ежедневно с утра до ночи, а случалось, и ночью. Люди словно сошли с ума. Никто не верил, что получится, а остановиться не могли. А тут еще страшная потеря умер исполнитель Волада — прекрасный актер Чеслав Волейко. Одни стали говорить это знамение, теперь ничего не выйдет. Другие — напротив — мы должны сыграть так, как этого хотел Волейко, пусть и он будет в спектакле. Атмосфера Булгакова, «Мастера и Маргариты» уже захватила не только сцену, она вошла в нас самих. Неумолимо приближалась встреча со зрителями. И вдруг выяснилось, что спектакль идет... четыре часа. У нас вообще нет спектаклей такой длительности. Я предполагал, что каждое из двух действий займет по часу. А на генеральной оказалась, что первое действие идет два часа. Подумалось: мои часы остановились. Потом сыграли второе — тоже два! Ритм спектакля оказался сильнее наших здравых прикидок. И в итоге зрители вместе с нами теряют на спектакле чувство времени и плачут в конце слезами очищения. Это катарсис. Эти четыре часа они жили по законам булгаковского мира, осознав себя его действующими лицами и во взлетах их, и в падениях, и, покидая театр, уносят частичку этого мира с собой. Так происходит в Варшаве. По-моему, так происходило и в Москве, хотя мы очень волновались. Ведь Москва — это родной город Мастера и Маргариты. Здесь о них знают все. Впрочем, по-моему, в

Польше теперь о них тоже знают все. А вот теперь Сандро открыл мне «Собачье сердце».

А. Т. Я мечтал поставить «Собачье сердце» с того момента, как впервые прочел. Задолго до выхода номера журнала «Знамя» с этим произведением я уже работал над его инсценировкой. Ты прав, Мачей, именно перелом в общественном сознании, именно процесс демократизации нашего общества вернули нам Булгакова во всем его художественном и нравственном богатстве.

Как мы прожили эти 70 лет? Что хорошего сделали, чему остались верны, в чем себе изменили? Ответы на эти вопросы я пытался найти в своем спектакле. Да, конечно, «Собачье сердце» — это не эпопея, а блистательная и умная шутка. Но она тоже своего рода айсберг. Почему нас так волнует Шариков, почему мы грустно смеемся над ним? Когда ставишь Булгакова или писателя подобного уровня, то «заболеваешь» им и выходишь из этой «болезни» ослабленным и счастливым. Быть может, чуточку прозревшим. Булгаков поднимает режиссера и актера на такие высоты, с которых особенно трудно спускаться.

Диалог записала
Ирина ПИРОГОВА.

...В марте этого года Мачей Энглерт приехал в Театр имени К. С. Станиславского ставить «Танго» С. Мрожека. В сентябре театр «Вспулчесны» приезжает на гастроли в Москву. А спектакль «Собачье сердце» приглашен в Варшаву на осенние театральные встречи.

Дружба продолжается. Набирает силу.

702